

Тиха Вальпургиева ночь

Известия —
1999-5 мая-с.5

Закончился фестиваль «Гете & Пушкин»

Петр ПОСПЕЛОВ

В ночь на первое мая Россия впервые в своей истории присоединилась к международному соглашению по празднованию Вальпургиевой ночи. Это событие стало завершающим звеном фестиваля «Гете & Пушкин», организованного Гете-институтом в Москве. «Неистовствуйте, летайте на метлах, жрите падаль, пейте кровь! — призывали россияне германские культурные учредители при спонсорской поддержке «Рургаза». — Ведь такое позволено лишь раз в году, и то лишь чертям и ведьмам!»

Граждане, однако, вели себя смиренно и церемонно, с вялым удивлением прохаживаясь под темными сводами московского ТЮЗа, декорированного под ночной клуб, и неистовствовали не более обычного — несмотря на то, что буклет словами Бальзака убеждал в неотделимости гениальности от оргиастичности, а мониторы в улах (к ужасу каких-то чинов из немецкого посольства) демонстрировали порнофильмы, в которых героические избранники дарили свою страсть козам и собакам.

Мягкая и чарующая атмосфера, в которой прошла Вальпургиева ночь, способствовала восприятию искусства. В то время как в фойе публику занимали лилипуты со змеями, контрабасы с хабанерами, модельер Петлюра с зелеными старухами и седыми молодухами, а в маленьком зале наверху черно-книжничал Петр Мамонов, на основной сцене шла магистральная программа из Гете и Пушкина, начавшаяся в восемь вечера выступлением симфонического оркестра с «Эгмонтом» Бетховена и «Фаустом» Гуно и закончившаяся к шести утра дискотекой, на которой свое понимание классических текстов обнародовали продвинутые заграничные д-джей. Ближе к концу разыгралась душераздирающая сцена, когда оказалось, что весь «орднунг» вальпургиевых выступлений оказался нарушен: руководители проекта безуспешно пытались унять Владимира Чекакина, кощунствовавшего над Пушкиным вдвое дольше регламента. К этому времени публика уже успела вкушать изящно-дурацких этюдов режиссера Вениамина Скальника со студентами Петра Фомен-

ко, торжественно-неприличных скафандров Андрея Бартенева, беснующихся пластических импровизаторов из студии Геннадия Абрамова и многого другого. По справедливости, успех имел тот, кто постарался соорудить что-то специально к случаю или подыскал готовое на тему: на ура у молодежи прошла «Ночь на Лысой горе» — отечественный вариант классики, смачно представленный ансамблем Игоря Моисеева.

Фестиваль «Гете & Пушкин» длился две недели и по духу чем-то повторил «Москву-Берлин» трехлетней давности. Независимо от степени удачности тех или иных проектов Гете-института опять удалось собрать по весне приятную публику. Тусовка становилась итогом трудов: например, режиссеры Борис Юхананов и Дмитрий Бертман, как и их зрители, пришли на нее по праву выполненного долга. «Фауст» первого и «Золотой петушок» второго можно считать крайностями, обозначившими фестивальный диапазон: с одной стороны — элитарный взлет, с другой — коммерческое качество.

Как ни странно, «Фауст» Юхананова — первая или почти первая постановка великой пьесы на русском языке. Премьере сопутствовали ажиотаж и организованный аншлаг (количество мест было искусственно ограничено), однако до конца остались лишь те, кто не боялся опоздать на метро. Только им удалось понять, что спектакль — «в процессе»: весь последний акт с Гретхен просто еще не поставлен, два первых акта (или два пролога), возможно, тоже предстоит доодеть и дооснастить, но уже сейчас они достойны оригинала.

Режиссерскому решению присущ красивый геометрический формализм: все страдания Фауста (его впечатляюще достоверно, хотя и временами приземленно, играет балетмейстер Андрей Кузнецов) разворачиваются на кубе (художник — Юрий Хариков), с которого герой лишь в итоге спускается в жизнь. Будучи по сути пионером, Юхананов проявил завидное уважение к гетевскому тексту: ни один его поворот не остается без внимания, а порой вызывает к жизни целые ритуалы — тогда становятся оправданным участие ансамбля певцов, исполняющего пасхальные песнопения, и полу-

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

«Золотой петушок» Римского-Корсакова в «Геликон-опере». Жемчужина дагилевского модерна обрела новую жизнь в ярдене новорусского стиля

цирковые аттракционы: эффектное превращение собаки в кошку развивает мотив оборотничества, по закону которого впоследствии Фауст с Мефистофелем меняются ролями.

Победу другого рода одержал Дмитрий Бертман. Опера Римского-Корсакова «Золотой петушок» была поставлена им на сцене театра «Геликон» также со скрупулезной верностью тексту — ни одной купюры, и вместе с тем — полное торжество китча. Царь Дадон в исполнении артиста Михаила Гужова — копия политика Зюганова (возможно, его сменщик будет похож на Немцова), на сцене — Госдума, Шереметьево-2, мобильники и челночные сумки, неошемаханский бордель с кордебалетом девиц. Никакого второго интеллектуального слоя, как бы обязательного для современного режиссера, за-

нятого трактовками оперной классики, нет и в помине. Однако смотреть не скучно — каждую секунду на сцене что-то меняется, движется. Про музыку Римского-Корсакова можно и забыть, хотя музыкальный уровень театра заметно повысился: приглашенный Гете-институтом немецкий дирижер Лотар Кенигс крепко организовал оркестр и певцов, а Татьяна Куинджи в партии Шемаханской царицы явилась в полном колоратурном блеске.

Что же, после таких достижений мы вполне можем отпустить Гете и Пушкина на заслуженный отдых: пусть идут они, как в одном из фестивальных видеоклипов, обнявшись, по русским просторам, выпив, как полагается по выслуге лет — один 200, другой 250. А Вальпургиеву ночь хотелось бы превратить в ежегодную традицию.